

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356
УДК 821.161.1

Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект*

© 2019, Т.М. Двинятина

Аннотация: В статье вырабатываются правила публикации дневников И.А. Бунина эмигрантских лет: восстанавливается список источников собственно дневниковых записей, оговариваются правила их отбора из записных книжек и отдельных фрагментов архива, обсуждается вопрос общей композиции публикации и принципов комментирования, определяется место дневниковых записей среди мемуарных заметок и художественных набросков.

Ключевые слова: И.А. Бунин, дневники, эмиграция, архивы, источники, текстология, научное издание.

Информация об авторе: Татьяна Михайловна Двинятина, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Цитирование: Двинятина Т.М. Дневники И.А. Бунина 1920–1953 гг.: Текстологический аспект // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 344–356.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356

И.А. Бунин говорил, что дневники — «одна из самых прекрасных литературных форм»¹, но сам большую часть своих дневников сжег. Он по крайней мере дважды избавлялся от записей, которые не хотел доверять чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 г. мы знаем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»).

¹ И далее: «Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Т. 1. Frankfurt a/M., 1977. С. 149; запись от 23 февраля 1916 г.).

из записи его жены, Веры Николаевны Буниной², о том, как это было в 1941 г., — из его собственной: «Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни»³.

Очевидно, что таких случаев было в его жизни значительно больше. В декабре 1931 г. Бунин признался жене, что сжег семнадцать страниц «Жизни Арсеньева»⁴. В 1934 г. он забрал у Г.Н. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их⁵. О том, что «различные тетрадки с картонными обложками» становились жертвой «аутодафе, которые Бунин периодически устраивал в своей пещурке», вспоминал и А.В. Бахрах, прошедший военные годы в доме Бунина в Грассе⁶. Наконец, разбирая свой архив перед планировавшейся отправкой его в Колумбийский университет (Нью-Йорк) в конце 1952 г., Бунин имел возможность избавиться от тех рукописей, которые не должны были, по его мнению, попасться на глаза «каким-то литературоведам», — «а чрезмерной благосклонностью к ним он не отличался»⁷. А.В. Бахрах, которому принадлежит последнее наблюдение, описал один из своих разговоров с Буниным: тот признался, что ведет дневник и «неволью делает это с оглядкой на печать <...> Ведь это профессиональная деформация, — добавил он, улыбнувшись, но одновременно уверял, что ему, вероятно, было бы стыдно, если бы эти дневники он увидел в печати. — <...> Впрочем, как бы там ни было и что бы с моими дневниками ни случилось, полный их текст никогда не увидит света»⁸. В заметках «К моему литературному завещанию» Бунин писал: «Дневники мои <...> мало интересны (в общем). Их я тоже писал как попало и с большими промежутками. Да и уничтожил я очень большое количество этих записей. Против печатания их, впрочем, не имею такой решительности, как против писем»⁹.

Возвращаясь к предыдущему замечанию Бунина, надо согласиться: не только полный текст его дневников более не существует (и, принимая во внимание вышесказанное, никогда не существовал), но и те фраг-

² См.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. <...> “Я не хочу показываться в одном белье”» (Устами Буниных. Т. 2. Frankfurt a/M., 1981. С. 145–146; запись от 30 июля 1925 г.).

³ Устами Буниных. Т. 3. Frankfurt a/M., 1982. С. 86; запись И.А. Бунина от 8 марта 1941 г.

⁴ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В.Н. Буниной, запись от 24 декабря 1931 г.

⁵ РАЛ. MS 1067/532. Дневник И.А. Бунина, запись от 2 мая 1940 г.

⁶ Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М., 2006. С. 175–176.

⁷ Там же. С. 176.

⁸ Там же. С. 119.

⁹ Бунин И.А. К моему литературному завещанию // Новый журнал (Нью-Йорк). 1961. Кн. 66. С. 172.

менты, которые не были уничтожены автором, приходится собирать по частям в разных сегментах его архива. В тетрадах остались только дневники 1941–1945 гг.¹⁰ Все прочие дневниковые записи Бунина — первичные, сохранявшиеся им на протяжении всей жизни, или позднейшие, переписанные в более поздние своды с начальных, — рассеяны: они встречаются и в составленных самим Буниным дневниковых подборках, и в записных книжках, и среди единичных записей на отдельных листах или обрывках бумаги.

Часть дневников Бунина уже была напечатана в трехтомном издании «Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы», подготовленном М.Э. Грин¹¹. Задача нынешнего этапа — полная публикация дневников И.А. Бунина (и, в перспективе, В.Н. Буниной).

Приведем перечень *источников дневников И.А. Бунина 1920–1953 гг.*

1920 — РАЛ. MS 1066/517. Единичная запись (19 августа), машинопись с правкой.

1921 — РАЛ. MS 1066/518. машинопись с правкой (до 6/19 апреля), затем рукопись на бумаге «с тремя дырочками»¹² и на вырванных из тетрадей листах; запись 9 октября — вновь машинопись, с 27 октября — снова рукопись.

1922 — РАЛ. MS 1066/519. Начало — рукопись, с 6/19 января — машинопись, запись 1/14 сентября — снова рукопись, с 20 сентября / 3 октября — вновь машинопись, с 28 ноября / 11 декабря — опять рукопись. Все записи сделаны на бумаге “Omo Ring Book”.

1923 — РАЛ. MS 1066/520. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

1924 — РАЛ. MS 1066/521. Рукопись на отдельном листе (3 марта) и на бумаге “Omo Ring Book”.

1925–1927 — дневниковых записей нет.

1928 — РАЛ. MS 1066/522–523. Два дневниковых «свода»: на трех больших листах (MS 1066/522) и на листке, вырванном из блокнота (MS 1066/523).

1929–1931 — РАЛ. MS 1066/524. Рукопись на бумаге “Omo Ring Book”.

¹⁰ РАЛ. MS 1066/533–535; в общей сложности эти дневники содержат записи с 1 февраля 1941 по 24 марта 1945 гг.

¹¹ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Frankfurt a/M., 1977–1982.

¹² В 1938 г., в пору активной работы над рассказами «Темных аллей», он просил В.Н. Бунину купить такую в ближайшем канцелярском магазине на Avenue Mozart: «называется Ommo Ring Book, intérieur № 66» (РАЛ. MS 1066A/182; письмо от 15 октября 1938 г.; имеется в виду бумага, выпускавшаяся фирмой канцелярских принадлежностей “Omo Ring Book”). В дальнейшем будем называть ее «бумага “Omo Ring Book”».

1932–1933 — РАЛ. MS 1066/524–525. Записи на разноформатных листах (вырванных из тетради, из блокнота, на бумаге “Omo Ring Book”); записи 1932 и 1933 гг. частично перепутаны.

1934 — РАЛ. MS 1066/526. Рукопись (один лист, дневниковый свод) на бумаге “Omo Ring Book”.

1935 — РАЛ. MS 1066/527. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1936 — РАЛ. MS 1066/528. Рукопись на листах бумаги “Omo Ring Book”.

1937 — РАЛ. MS 1066/529–530. Рукопись на двух разных листах бумаги: один — “Omo Ring Book”, другой — вырван из блокнота «на пружинках».

1938–1939 — РАЛ. MS 1066/531. Рукопись на одном листе бумаги “Omo Ring Book”.

1940 — РАЛ. MS 1066/532. Рукопись на больших тетрадных листах без переплета (до 28 апреля) и на бумаге “Omo Ring Book” (начиная с 30 апреля; в этой части отдельные записи вырезаны и наклеены на белые листы бумаги).

1941 — РАЛ. MS 1066/532–534:

MS 1066/532 — записи со 2 января (начало дневника) по 30 января — на бумаге “Omo Ring Book”.

MS 1066/533 — тетрадь, рукопись, 2 февраля — 10 августа 1941 г.

MS 1066/534 — тетрадь, рукопись, с 11 августа 1941 г. (по 28 февраля 1942 г.).

1942 — РАЛ. MS 1066/534–535:

MS 1066/534: продолжение в тетради (рукопись), начатой в 1941 г., 1 января — 27 февраля.

MS 1066/535: 1 марта — 31 декабря 1942 г. (и дальше в той же тетради записи 1943–1945 гг.).

1943–1945 — РАЛ. MS 1066/535. Тетрадь, рукопись, 1 января 1943 г. — 24 марта 1945 г.

Иными словами, дневники Бунина до 1940 г. представляют собой рукописные или машинописные записи, тщательно отобранные из разных источников (несохранившихся тетрадей, блокнотов и т.д.) и отредактированные автором. Судя по бумаге, эта подборка сделана во второй половине 1930-х гг.¹³ Можно сказать, что все эти записи относятся к отдельным событиям бунинской жизни и сохранились в его архиве после

¹³ Если в 1938 г. Бунин должен был подробно описать жене, какая именно бумага ему нужна, то, очевидно, до тех пор она еще не была для него «основной», иначе В.Н. Бунина, перепечатававшая тексты мужа, знала бы это без дополнительных объяснений. В таком случае «уничтожение дневников» в 1925 г., о котором писала В.Н. Бунина (см. выше), затрагивало более ранние записи (до 1920 г.).

того, как все остальные записи, несомненно существовавшие, были уничтожены. Тем самым целостность дневника 1920–1939 гг. оказалась утрачена. Помимо общего бунинского нежелания «показываться в одном белье»¹⁴ перед досужим читателем, причиной было, по всей вероятности, тяжелейшее расставание с последней возлюбленной, Г.Н. Кузнецовой, растянувшееся для Бунина по крайней мере до начала 1940-х гг.: недаром записи за годы начала их романа (1926–1927 гг. и предшествующий им 1925 г.) не сохранились вовсе.

Начиная с 1940 г. Бунин возобновляет регулярный дневник¹⁵, и его записи 1940-го, а затем тетради дневников 1941–1945 гг. — наиболее выстроенный, полный и подробный сохранившийся фрагмент его повседневных записей.

После 1945 г. Бунин, судя по всему, уже не вел постоянный дневник. Во всяком случае, относящиеся к этим годам тетради дневников или позднейшие, специально составленные дневниковые подборки Бунина не сохранились и, скорее всего, не существовали. Иначе Бунин в последние годы уничтожил бы скорее отдельные записи, перенес их в дневниковые своды, — однако отдельные записи остались, а сводов послевоенных лет в его архиве нет. Таким образом, дневниковые записи его последних лет жизни могут быть воссозданы только по материалам записных книжек и разрозненных единичных заметок¹⁶.

Первая из полностью сохранившихся записных книжек Бунина, содержащих в том числе записи дневникового характера, датируется 1944 г.¹⁷ Всего до конца жизни Бунин успеет начать десять записных книжек¹⁸. В пяти из них (РАЛ. MS 1066/548, MS 1066/550, MS 1066/551, MS 1066/555, MS 1066/556) записи, относящиеся к конкретным дням жизни, находятся среди других, не имеющих четкой хронологической привязанности записей обо всем, что занимало ум и душу Бунина в то время. Способ адекватной публикации этих записей представляет отдельный вопрос. На наш взгляд, наиболее точной и корректной подачей их была бы двойная публикация: и в составе собственно записных

¹⁴ См. примеч. 3.

¹⁵ См. запись Бунина в дневнике 1 марта 1941 г.: «Ровно год тому назад начал записывать более или менее правильно события дней. Целый год тому назад!» (РАЛ. MS 1066/533).

¹⁶ Из них пять записей нашли отражение в биографическом своде «Устами Буниных» (см. выше): 14 октября 1946 г., 2–3 октября 1949 г., 27–28 января, 23 февраля и 2 мая 1953 г.

¹⁷ РАЛ. MS 1066/548. См.: *Двигатина Т.М.* Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // *Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения»*. СПб., 2017. С. 131–146. (Труды Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215).

¹⁸ РАЛ. MS 1066/547–556.

книжек, и в составе дневников. Таким образом удалось бы передать и конкретное, «дневниковое», и более общее, «поэтическое» течение бунинской мысли, сохранив при этом целостность каждого из них¹⁹.

Как уже сказано выше, дневниковые записи поздних лет (с 1945 по 1953 гг.) остались и на отдельных листах, обрывках бумаги и т.д. Назовем здесь несколько архивных источников, которые не должны ускользнуть от внимания публикатора: РАЛ. MS 1066/538–544, MS 1066/577, MS 1066/565, MS 1066/557, MS 1066/418, MS 1066/457–458, MS 1066/459, MS 1066/557, MS 1066/465, MS 1066/594. По ним должны быть собраны дневниковые записи Бунина 1946–1953 гг.

Итак, публикацию дневников Бунина эмигрантских лет призваны составить все записи, переписанные и/или сохраненные им из дневников 1920–1939 гг., тетради 1941–1945 гг., записи дневникового характера из записных книжек 1944–1953 гг. и дневниковые заметки, оставленные после 1945 г. на разных листах и обрывках бумаги. Отдельные записи, не сохранившиеся в рукописи Бунина, могут быть опубликованы по машинописным копиям В.Н. Буниной, сделанным с дневников 1920–1922 гг. (см. выше), и по ее рукописным копиям, снятым в поздние годы с записей Бунина последних лет²⁰.

Включение в публикацию *дневниковых заметок из записных книжек* требует точного определения принципов их отбора и дефиниции самого понятия.

Под дневниковыми записями понимаются записи событий, впечатлений и размышлений, приходящиеся на конкретные дни текущей жизни. В них не входят ни творческие наброски, ни мемуарные заметки, ни готовые рукописи произведений, ни отпуски отправленных писем²¹.

Характер записных книжек не предполагает строгой хронологии и тематического единства. Бунин, во-первых, имел обыкновение сводить в записные книжки разрозненные фрагменты, прежде набросанные им на

¹⁹ См. в наших публикациях: И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; И.А. Бунин. Дневники 1946–1953 гг. // Русская литература. 2019. № 1. С. 178–191.

²⁰ Переписанные В.Н. Буниной записи Бунина см.: РАЛ. MS 1066/557. Из записей 1944–1953 гг. лишь одна (января 1950 г., см. ниже, примеч. 32) представлена в Бунинской коллекции только в копии В.Н. Буниной.

²¹ Примерами таких записей, присутствующих в записных книжках Бунина и не относящихся к дневниковым, могут быть ретроспективная заметка «Начало января 33 г. Мы с Г<алиной> в Париже в отеле Пажу — больны оба» (РАЛ. MS 1066/550) и стихотворение «Х. Алю Б. нередко прославлял...» (РАЛ. MS 1066/551), датированное «Весна 1945 г.», но записанное, очевидно, позже (записано синей шариковой ручкой, которой у Бунина весной 1945 г. в только освободившемся от войны Грассе еще не было).

случайных листах или обрывках²², во-вторых, он мог параллельно пользоваться не одной, а несколькими тетрадями и страницы одной записной книжки заполнять непоследовательно, порой занося свои заметки на любые свободные страницы²³. Собственно дневниковые записи оказывались там в ряду иных, время записи которых представлялось Бунину неважным, — они и остались недатированными. Но те записи, которые в этом потоке мыслей, образов, заметок, воспоминаний Бунин отметил конкретной датой (не тем временем, к которому относится записанное воспоминание, и не датой, которая вместе с цитатой оказалась взятой из источника, откуда он сделал ту или иную выписку, а датой его личного переживания и письменного запечатления), могут и должны рассматриваться в том числе в контексте его дневниковых записей.

Иными словами, определяющим признаком дневниковой записи является синхронная событию авторская дата.

Однако из этого правила есть исключения. Во-первых, оно не действует применительно к дневниковым «сводам», составленным на основе уничтожаемых дневников: в этом случае свод является единственной и равноправной заменой дневнику (это касается, главным образом, записей 1920–1930-х гг.). Во-вторых, некоторые записи, имеющие конкретную дату, продолжают другими, формально не имеющими даты, но определенно связанными с предыдущими временными указаниями и приуроченностью к текущим событиям (это относится к более поздним записям). В таком случае и те и другие могут рассматриваться как дневниковые (см., например, две записи «Вчера, 10/23 окт. 1949 г. <...>» и «Нынче Вера видела...»²⁴). Если же временных привязок между записями нет, то только в редких случаях очевидное совпадение чернил, почерка, наклона письма позволяет объединять записи, сопровождаемые авторской датой, с формально не датированными соседними (см. 14 октября 1944 г.²⁵, 29 марта 1950 г.²⁶, 17–18 мая и 22–23 июня 1951 г.,²⁷ 8–9 декабря 1952 г.²⁸).

²² См. записи от 10 декабря 1950 г. и 17 января 1951 г., расположенные в одной и той же записной книжке в обратной последовательности (РАЛ. MS 1066/554. Л. 2, 3).

²³ См. две записи 10 ноября 1944 г., помещенные в одной записной книжке отнюдь не на соседних страницах (РАЛ. MS 1066/548. Л. 31–31 об., 39), а также записи декабря 1952 г., имеющие разные источники (РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1; РАЛ. MS 1066/457).

²⁴ РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 23–23 об.

²⁵ РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 34–34 об.

²⁶ РАЛ. MS 1066/550 (записная книжка). Л. 28.

²⁷ РАЛ. MS 1066/553 (записная книжка). Л. 20–21; РАЛ. MS 1066/551 (записная книжка). Л. 23–23 об.

²⁸ РАЛ. MS 1066/556 (записная книжка). Л. 1 об.

Если в отдельных (не связанных с датированными) записях встречаются временные маркеры («вчера» и т. п.), то при отсутствии прочих хронологических указателей они к дневниковым записям не относятся, пребывая в кругу записей значительно более широкого характера.

Так же и записи, взятые, возможно, из других источников и не подкрепленные датировками самого Бунина, остаются за рамками дневниковых. Так, например, запись «24 дек. 47 г. на 84-м году жизни умер в Москве С.Л. Толстой»²⁹, судя по контексту всей записной книжки, чернилам и т.д., сделана вскоре после получения известия, в ней отраженного, но за неимением решающего аргумента — даты Бунина — в собственно дневниковые записи включена быть не может.

Наконец, в дневниковые записи не включаются вклеенные в записные книжки газетные вырезки, как, например, лист отрывного календаря от 16 февраля 1948 г., на котором в качестве памятных дат отмечены те или иные события: например, годовщины смерти Э. Багрицкого (1934) и И.М. Москвина (1945)³⁰.

Отбор и публикация записей дневникового характера, оставленных Буниным на обрывках или отдельных листах бумаги, в целом подчиняются правилам, описанным выше. Как и в случае записных книжек, в дневниковый свод не включаются записи, не имеющие даты; единственное исключение — запись в январе 1950 г., сама по себе несущая однозначное указание о времени, когда она сделана³¹.

Точно так же в дневниковые записи не входят выписки, лишённые дополнительных бунинских помет или комментариев и датированные только датой источника, из которого они взяты. Примерами могут служить выписка из дневника Б.К. Зайцева от 10 мая 1945 г. (в данном случае дата принадлежит дневнику Зайцева, а не Бунина)³² и записи по поводу языковых экспериментов Ремизова, которые стали постоянной темой бунинских разговоров последних лет³³.

Стоит учитывать, что часть единичных записей, хоть и была датирована Буниным, носит скорее не дневниковый, а мемуарный или художественный характер, поэтому решение относительно них требует особого

²⁹ РАЛ. MS 1066/550. Л. 2 об.

³⁰ Первая дата подчеркнута Буниным красной шариковой ручкой один раз, вторая — дважды и дополнительно отчеркнута на полях. Возможно, что о смерти Москвина, с которым Бунин был знаком с гастролей МХТ в Ялте в апреле 1900 г. (тогда театр привез и показывал в присутствии Чехова четыре пьесы: «Чайка», «Дядя Ваня», «Одинокое» Г. Гауптмана и «Гедда Габлер» Г. Ибсена) и которого встречал во время гастролей МХТ в Париже в декабре 1922-го и в декабре 1929 г., Бунин и узнал из этого календаря в 1948 г.

³¹ «30 лет, как я покинул Россию (значит, это написано в 1950 году)» (РАЛ. MS 1066/557; запись и пояснение рукой В.Н. Буниной).

³² РАЛ. MS 1066/715 (178).

³³ РАЛ. MS 1066/715 (128), (130), (133).

обоснования³⁴. Творческие рукописи Бунина, как правило, имеют дату, фиксирующую время окончания работы над ними и, соответственно, поставленную под текстом, в конце. В дневниковой записи место проставления даты может варьироваться: она может стоять и до текста, и после него, и быть включена в саму заметку (см. записи от 1 июля 1944 г.³⁵, 2, 3 и 5 декабря 1952 г.³⁶). Из этого следует, что наличие в тексте даты, поставленной в самом начале, должно как будто по определению вынести его из разряда художественных и приблизить к дневниковым. Но это правило соблюдается не всегда, и решающим аргументом здесь по-прежнему является характер записи, что подтверждается по крайней мере двумя примерами. Во-первых, это набросок «Отель на Антибском мысу» (перед заглавием стоит дата: «10.6.44»), имеющий характер творческого эскиза к возможному / будущему рассказу и никак не связанный с событиями текущей бунинской жизни³⁷. Во-вторых, это наброски, в первоначальной рукописи начинающиеся словами: «Вспоминаю происхождение моих рассказов...», — еще до этих слов даны время и место «воспоминаний»: «Сентябрь 1944 г., Grasse, A<lps> M<aritime>»³⁸.

Если же в датированной записи сходятся личное и художественное, воспоминания о прошлом и ощущения сегодняшнего дня, и разделить их — значит нарушить целостность запечатленного высказывания, то при всей условности такого определения она может публиковаться и в составе записных книжек, и в составе дневниковых записей. Например:

10.3.45. Grasse, A<lps> M<aritime>

В теплую, светлую ночь в июле, в деревне, в одинокой возле нее, давно необитаемой усадьбе, где когда-то родился его отец, ночевал в кабинете с открытыми окнами.

Из окон виден широкий, заросший травой двор, за разрушенной каменной оградой которого деревенский выгон, а за ним поля. Ночь веселая, мирная — и даль особенно прекрасна там, напротив, в полях, под светлым южным небосклоном.

Казалось, что выходил в сад за домом — по комнатам в сумраке, по залу, потом по гостиной и по балкону, по его сгнившим доскам. Сад редкий, мелкий, одичавший, тоже сливается вдаль с полями под северным небосклоном, спокойным и несколько сумрачным, грустным.

³⁴ Для записных книжек оно нерелевантно: все пограничные случаи так или иначе датированных записей в них разобраны нами выше.

³⁵ РАЛ. MS 1066/548 (записная книжка). Л. 20 об. —21.

³⁶ РАЛ. MS 1066/459 (записи 2 и 5 декабря 1952 г.); РАЛ. MS 1066/557 (запись 3 декабря 1952 г., рукой В.Н. Буниной).

³⁷ РАЛ. MS 1066/614.

³⁸ РАЛ. MS 1066/665.

От балкона идут среди кустов и старых яблонь два ряда старых берез, оставшихся от вырубленной аллеи. Тень от крыши дома падает до одной из них, ближней, ствол которой особенно бледно-ярок от лунного света, и звездное небо над ее высокой вершиной кажется глубже... Потом опять кабинет — и сон или явь? Окна в теплом месячном свете, в комнате легкий сумрак. И из сумрака слышен ласковый, спокойный голос отца, невидимого, давно умершего. Его расспросы, долгая беседа с ним, рассказ ему о своей жизни...³⁹

Эта заметка может служить выразительным образцом того, насколько зыбкой была у Бунина грань между дневниковыми записями, мемуарными заметками и художественными набросками. Возможно, она представляет собой изложение сна или набросок рассказа. Неопределенная модальность высказывания («сон или явь») отражена и в неопределенности того «я», от лица которого ведется речь (сам Бунин? рассказчик? герой?). Запись сделана на одном из листов, сложенных вместе, на которых зафиксированы размышления, воспоминания, выписки Бунина из разных книг и т.д. Собрание этих листов по своему характеру приближается к записным книжкам и отличается от них только отсутствием общего переплета. Наряду с явным личным характером высказывания, отнести эту запись к дневниковым позволяет дата и точное место, данные так, как обычно это было в дневниковых записях Бунина⁴⁰.

Отдельного внимания при публикации дневников заслуживает вопрос общей *композиции материала*. Думается, что наиболее взвешенным здесь был бы принцип «один год — один комментарий», при котором комментарий к записям за конкретный год следует сразу за ними. Это позволяет параллельно и цельно представить год жизни Бунина и в его собственном изложении, и в историко-бытийном контексте. Более дробное деление (по записям) повредило бы внутреннему единству хронологических отрезков, более общее (вынесение всех комментариев в конец публикации) — стерло бы границы между периодами.

При этом надо помнить, что такая рубрикация не всегда совпадает с соотношением «один год — один источник». Как следует из приведенного выше описания, записи за один год могут иметь в бунинском архиве разные источники и, как следствие, быть распределенными между разными единицами хранения. Так, между двумя разными источниками

³⁹ РАЛ. MS 1066/568.

⁴⁰ Другим примером может служить заметка от 15 мая 1951 г. «Не раз слышал я в детстве, как говорили про кого-нибудь...» (РАЛ. MS 1066/418). Датировка Бунина и протяженность этой, в целом мемуарной, записи в его будущее позволяет рассматривать ее в ряду дневниковых.

поделены и 1928, и 1942 гг.⁴¹, между тремя источниками — 1941 г. Записи 1938–1939 гг., напротив, объединены одним источником, а записи 1932–1933 гг. хотя и имеют два источника, но перемешаны внутри них, и т.д. Все источники, по которым печатаются записи одного года, с точным описанием их соотношенности с конкретными периодами внутри него, должны быть предметом описания в «легенде», следующей за «общегодовым» текстом и предваряющей комментарий к нему.

От этого правила придется сделать три отступления.

Первое касается дневниковых записей апреля — июня 1928 г. Выписывая на будущее из дневников этого года лишь избранное (и, судя по всему, уничтожив основное, см. выше), Бунин составил два пересекающихся свода: один — на трех больших листах (РАЛ. MS 1066/522), другой — на листке, вырванном из блокнота (РАЛ. MS 1066/523). Записи, относящиеся к периоду 6 апреля — 21 июня и не совпадающие друг с другом, присутствуют в обоих сводах. Пережевать их, укладывая в одну хронологическую «линейку», значило бы нарушить цельность каждого свода и сеять недоумение — отчего события одного дня дважды и с некоторой разницей представлены в едином потоке бунинских дневников. Логичнее и яснее оставить два самостоятельных свода, сохранив представление о двух разных текстах, которыми Бунин оставил события этого времени в своем наследии.

Второе отступление охватывает дневниковые записи 1944–1945 гг., сделанные и в тетради (РАЛ. MS 1066/535), и в записных книжках. Они также могли бы быть представлены параллельно: после записей марта 1945 г., которыми заканчивается последний «регулярный» дневник, уместно привести отдельную подборку дневниковых записей 1944–1945 гг., рассеянных по разным источникам.

Третье относится к записям 1946–1953 гг., не имеющим авторского свода и расплывленным по разным листам и обрывкам бумаги. Эти последние дневниковые заметки Бунина не только имеют в каждом случае самостоятельный источник, но и инспирированы никак не связанными между собой впечатлениями или поводами. Явленная в публикации атомарность записей в этом случае была бы адекватным отражением дробности, прерывистости жизненного течения, в котором Бунин оказался после 1945 г.⁴²

⁴¹ При этом за 1942 г. есть еще две одиночные записи на отдельных листах: РАЛ. MS 1066/536, 537. Представляется возможным включить их в общую хронологию, оговорив отдельный источник в примечании.

⁴² Позднее Бунин вспоминал о переломном для него 1945 г.: «<...> до возвращения в Париж из Грасса, до мая 45-го года, я молодым козлом носился вверх и вниз по той почти отвесной горе, на которой стоит та английская вилла, где жили мы все время войны, да даже первый, и, кажется, второй год в Париже был еще

Наконец, особо стоит оговорить принципиальную *полноту публикуемых текстов*, также и в тех случаях, когда отдельные фрагменты могут шокировать современного читателя. Бунин не отдавал дневник в печать, сохраняя его для своей «внутренней» биографии. Публикатор, который его сегодня обнаруживает, и читатель, который его открывает, должны быть готовы к разным проявлениям личности того, в чей мир они таким образом вторгаются.

Совершенно очевидно, что публикация дневниковых записей Бунина эмигрантских лет предложит значительно более содержательный и глубокий взгляд на его жизнь и мировосприятие, чем это было возможно раньше, и привлечет внимание не только специалистов, но и всех, кому интересен художественный мир этого писателя.

Литература

Бахрах А.В. Бунин в халате. По памяти, по записям / Сост., вступ. ст., коммент. Ст. Никоненко. М.: Вагриус, 2006. 592 с.

Двнятина Т.М. Записная книжка И.А. Бунина 1944 г.: Свод жизни и путеводитель по творчеству // Художественная антропология Серебряного века: Материалы международной научной конференции «Литературные чтения». СПб., 2017. С. 131–146. (Тр. Санкт-Петербургского гос. института культуры; т. 215).

И.А. Бунин. Из дневников 1944–1945 гг. Дневники 1946–1953 гг. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Т.М. Двнятиной // Русская литература. 2018. № 4. С. 190–201; 2019. № 1. С. 178–191.

Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 118. С. 120–128.

Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt am Main, 1977–1982.

References

Bakhrakh A.V. *Bunin v khalate. Po pamiati, po zapisiam* [Bunin in a bathrobe. By memory, by records], ed. by St. Nikonenko. Moscow, Vagrius Publ., 2006. 592 p. (In Russ.)

Dvniatina T.M. *Zapisnaia knizhka I.A. Bunina 1944 g.: Svod zhizni i putevoditel' po tvorchestvu* [I.A. Bunin's notebook for 1944: Life code and guide to writings]. *Khudozhestvennaia antropologiya Serebriannogo veka: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Literaturnye chteniia"* [The artistic anthropology of the Silver Age: Proc. Int. Sci. Conf. "Literary readings"]. St. Petersburg, 2017, pp. 131–146. (In Russ.)

ничего себе, а осенью второго года схватил воспаление легких, — всю мою жизнь бывших на редкость отличных, а с тех <пор> пошла писать губерния!» (Письма И.А. Бунина к Ф.А. Степуну / Публ. А. Зверса // Новый журнал (Нью-Йорк). 1975. Кн. 118. С. 121. Письмо от 26 марта 1951 г.).

I.A. Bunin. *Iz dnevnikov 1944–1945 gg. Dnevniki 1946–1953 gg.* [I.A. Bunin. From the diaries of 1944–1945. The diaries of 1946–1953], intro., ed. and comment. by T.M. Dvinyatina. *Russkaia literatura*, 2018, no. 4, pp. 190–201; 2019, no. 1, pp. 178–191. (In Russ.)

Pis'ma I.A. Bunina k F.A. Stepunu [I.A. Bunin's letters to F.A. Stepun], publ. by A. Zveers. *Novyi zhurnal* (NY), 1975, iss. 118, pp. 120–128. (In Russ.)

Ustami Buninykh: Dnevniki Ivana Alekseevicha i Very Nikolaevny i drugie arkhivnye materialy: V 3 t. [As spoken by the Bunins: The Diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other archival materials: In 3 vols.], ed. by M. Greene. Frankfurt a. M., Posev Publ., 1977–1982. (In Russ.)

Bunin's diaries of 1920–1953: Textual aspect

© 2019, Tatiana Dvinyatina

Abstract: The article develops the rules for publishing the diaries of I.A. Bunin's emigrant years: the list of sources of diary entries is restored, the rules for their selection from notebooks and separate fragments of the archive are discussed, the overall composition of the publication and commenting principles are discussed, the place of diary entries among memoirs and artistic sketches is determined.

Keywords: I.A. Bunin, diaries, emigration, archives, sources, textology, scientific publication.

Information about the author: Tatiana Dvinyatina, Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. E-mail: tatiana.dvinyatina@gmail.com.

Citation: Dvinyatina Tatyana. Bunin's diaries of 1920–1953: Textual aspect. *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 344–356. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-344-356